

Пока мысли быстро проносились в голове, он не забыл открыть рот для объяснения, в голосе звучала некоторая неуверенность.

— Я ничего не помню о прошлой ночи и никогда не вспомню. Можем ли мы сделать вид, что ничего не произошло?

Си Янь слегка наклонил голову, прикрываясь, зажёл сигарету, и, слушая его, даже не поднял век.

— Думаешь, я поверю?

Бай Лэ внутренне заволновался, но на поверхности заставил себя сохранять спокойствие.

— Я правда забыл.

Оба знали, что забыть невозможно. Сейчас Бай Лэ просто демонстрировал свою позицию.

Си Янь стряхнул пепел с сигареты в пепельницу и вдруг сменил тему.

— Ты не знаешь, кто я?

Бай Лэ покачал головой, широко раскрыв на него глаза.

Си Янь усмехнулся, несильно похлопал его по щеке, в голосе не было слышно ни радости, ни гнева.

— Притворяешься довольно похоже.

Бай Лэ почувствовал, что щека, к которой тот прикоснулся, онемела, а на руках гусиной кожей выступили мурашки.

Бай Лэ, полусидя, укутался в одеяло, притворяясь непонимающим.

— Что ты имеешь в виду?

— Ладно, уходи первым, — Си Янь, казалось, устал от этого скучного разговора, махнул рукой, затем небрежно закрыл глаза. — Насчёт последующих действий я сам разберусь.

Разберётся? С чем разберётся?

Бай Лэ как посмеет уйти первым? Если не уладить всё как следует, то, судя по характеру Си Яня, если он выяснит, что это он подстроил ловушку, чтобы шантажировать его, то наверняка начнёт разбираться с ним.

Если не побороться, то точно закончит так же, как и оригинальный главный герой.

Ему нужна была причина, причина, которая могла бы оправдать эти грязные действия, выглядевшая разумной.

И обязательно нужно было избегать момента, где он хотел подстроить ловушку для шантажа. Что же сказать? Из-за чего он мог бы подсыпать наркотик другому?

Бай Лэ так волновался, что на лбу выступил холодный пот, но вдруг в голове мелькнула догадка, и он выпалил.

— Ты прав, только что я обманывал тебя. Я действительно тебя знаю, и это я велел подсыпать тебе наркотик.

Си Янь проявил некоторый интерес, будто совсем не удивился, что это сделал он, и лишь сделал жест, указал продолжал.

— Хочешь знать, зачем?

Си Янь смотрел на него, на лице не было никаких эмоций.

— У меня нет привычки разгадывать загадки.

Бай Лэ немного заколебался насчёт следующих слов, но, вспомнив судьбу оригинального главного героя, в итоге решился, стиснул зубы и закрыл глаза.

— Потому что ты мне приглянулся.

Воздух на мгновение застыл.

Си Янь неотрывно смотрел на Бай Лэ. Из-за того, что свет бил в спину, нельзя было разглядеть выражение его лица.

Бай Лэ изо всех сил старался выглядеть искренним, и из его рта посыпалась путаная речь.

— Я давно восхищаюсь вами, господин Четвёртый. Поэтому в порыве чувств совершил глупый поступок, подсыпал вам наркотик. Сейчас я очень сожалею, но, господин Четвёртый, будьте спокойны, я гарантирую, что больше никогда не буду вас беспокоить.

Последнюю фразу Бай Лэ произнёс с искренним чувством. Стоило переступить порог этой двери, и он больше не хотел иметь с Си Янем никаких отношений.

Прошло неизвестно сколько времени, так долго, что Бай Лэ уже хотел просто хлопнуть дверью и уйти, когда Си Янь наконец пошевелился. Казалось, он подавился сигаретным дымом и начал кашлять, на бледных щеках выступил болезненный румянец.

Бай Лэ, слушая его кашель, чувствовал, как болят лёгкие, и лишь через некоторое время тот успокоился.

Тот потушил сигарету в руке и хрипло произнёс.

— Я похож на хорошего человека?

Конечно, похож, как же, ещё как похож.

— Похож, ещё как похож.

Бай Лэ поспешно закивал, мигая глазами и глядя на него.

Уголок губ Си Яня дрогнул, в словах не было слышно эмоций.

— Нынешние детки хорошо умеют говорить.

После этих слов его взгляд тоже стал холодным, будто он внезапно устал, и он поднял руку.

— Ладно, в конце концов, это не такое уж важное дело. Главное, чтобы ты больше не появлялся передо мной.

— Конечно, если ты согласен, мы разойдёмся и забудем.

Си Янь не отреагировал на его слова, было непонятно, поверил он или нет.

— Тогда на этом всё. Лучше бы ты забыл. Выйди за эту дверь, и у нас не будет никаких связей.

Бай Лэ внутренне обрадовался, этот приём действительно сработал. Он не стал скрывать радость на лице, поспешно натянул одежду и собрался уходить.

— Конечно, слово держу.

Едва подойдя к двери и не успев её открыть, он услышал, как сзади его окликнули.

Бай Лэ обернулся, и что-то ударило ему в лицо. Подняв, он увидел, что это его же трусы. В панике натягивая штаны, он только и думал о том, чтобы уйти, и не заметил.

Несмотря на это, он с деланным спокойствием сунул их в карман. Поскольку неприятности удалось уладить, он был в прекрасном настроении и не обратил внимания на слова Си Яня, выдав напыщенную улыбку и послав воздушный поцелуй человеку на кровати.

— Хе-хе, хотел оставить тебе на память. Пока.

Сказав это, он развернулся и вышел.

Сразу же раздался грохот — дверь закрылась. В комнате воцарилась тишина. Си Янь медленно сбросил одеяло и встал с кровати, прошёл мимо стоявшего рядом инвалидного кресла, подошёл к панорамному окну и набрал номер.

— Помоги мне разузнать об одном человеке.

— Без причины. Не умничай.

Закончив разговор, Си Янь протянул руку и с шорохом раздвинул шторы. Огни города отразились в его глазах. Он слегка опустил ресницы, глядя на ковыляющую к машине у входа в отель фигуру, и уголок его губ дрогнул.

*

В пятницу Бай Лэ приехал в компанию. Поднявшись на лифте, он неспешно шёл по коридору. По пути многие сотрудники кланялись и здоровались с ним.

— Добрый день, господин Бай.

Бай Лэ всем улыбался в ответ. Встретив несколько актрис компании, он подшучивал над ними, заставляя их краснеть и трепетать.

Его внешность и так была привлекательной — чистый, светлокожий, всегда улыбающийся, с беззаботными глазами-персиками, полными чувственности, которые при взгляде на человека всегда создавали ощущение глубокой привязанности.

— Папа.

Бай Лэ толкнул дверь и, почувствовав летящий неопознанный объект, ловко уклонился от брошенной в него пепельницы.

— Говори! Сколько времени ты не появлялся в компании! Ты что, хочешь свести меня в могилу!

Бай Лэ по-прежнему ухмылялся.

— В последние дни мне было нехорошо, вот я и пришёл. Папа, не злись, злиться вредно для здоровья.

— Что значит нехорошо? По-моему, ты прыгаешь и скачешь!

Бай Лэ скорчил недовольную мину.

— Упал, попа болит, вот и лежал эти дни в постели.

Бай Хуэйчжану пришлось тяжело вздохнуть и опуститься на стул, качая головой.

— Вот бы ты был хоть наполовину так понятлив, как твоя сестра.

Сидящая рядом хваленая за понятливость Бай Инь подняла голову.

— Папа, у меня нет денег, положи ещё на карточку. У моего любимого идола сейчас решающий период возвращения, я хочу вложиться в него... то есть, поднять продажи.

Автор хочет сказать: Не спрашивайте меня, почему можно рожать детей. Как известно, мужчины на Цзиньцзян могут рожать детей.

Не сильный против сильного, Лэлэ — это воображающий себя властным генеральным директором глупый сынок богатых родителей. Как вы думаете, поверит ли Си Янь словам этого глупого сынка? Хе-хе.

Прошу предварительную запись на новую работу «Попав в альфу-белую лилию, школьную траву».

Ци Цзяюань перенёсся в книгу.

Он перенёсся в альфу, притворяющуюся омегой — белую лилию из мира АВО. У оригинального главного героя была куча запасных, он был лицемерным и любил чувствовать, как за ним ухаживают все альфы школы.

В оригинале он презирал бедного переведённого студента-бета, постоянно насмехался над ним, равнодушно наблюдая, как его поклонники издеваются над ним.

Но оказалось, что в конце этот бедный переведённый студент был незаконнорождённым сыном богатой семьи, получившим сценарий крутого героя, и отомстил всем, кто его презирал.

В первый день своего переноса Ци Цзяюань столкнулся с сюжетом про бедного переведённого студента. Видя, как стоящий на кафедре, бедно одетый Цзян Я столкнулся с затруднением, что никто не хочет сидеть с ним за одной партой.

Он глубоко вздохнул и дрожащей рукой поднял руку.

— Учитель, я хочу сидеть с ним.

В глазах Ци Цзяюаня Цзян Я был молчаливым и угрюмым, почти незаметным, не общался с одноклассниками, и лишь он один был готов с ним говорить.

До того дня, когда Цзян Я обнаружил секрет Ци Цзяюаня, притворяющегося омегой. Тот прижался к его плечу, понюхал, и всегда тихий, привязчивый и жалкий бета показал невиданную другими агрессивную улыбку.

— Оказывается, ты тоже А.

Ци Цзяюань: «Хм? Почему тоже?»

Буддийский, уставший от жизни, делающий вид, что ему всё равно, псевдобелая лилия шоу и одержимый, сильной привязанности, глубоко эмоциональный, сбившийся с пути гун.

<http://bllate.org/book/15587/1387947>